

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

DOI 10.35775/PSI.2024.109.9.004

УДК 32.323

Н.Е. ДЕНИСОВ

аспирант Московского государственного
университета имени М.В. Ломоносова,

Россия, г. Москва

E-mail: denisov.nik@gmail.com

ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ ОБЩЕГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В статье были исследованы основные особенности политики идентичности Российской Федерации на современном этапе. Отправной точкой исследования послужила проблема недостаточной содержательной проработки компонента, направленного на укрепление общероссийской гражданской идентичности, как в практике реализации государственной политики, так и в существующей научной литературе. Применение подхода исторического институционализма позволило установить паттерн «зависимости от пути», проявляющийся в существовании устойчивой к изменениям институциональной структуре в сфере реализации политики идентичности.

Политика идентичности рассматривалась как сфера деятельности государственных институтов, направленная на формирование коллективной идентичности. Применение теории «границ идентичности» Ф. Барта позволило выявить сохраняющуюся особенность институциональной структуры, проявляющуюся в фрагментации идентичности российского общества по границам этнических общностей. Данная структура была заложена институциональным выбором, совершенным в период формирования СССР и подразумевавшим существование асимметричной модели федеративных отношений на этнической основе.

Автор отмечает, что асимметрия федеративных отношений обуславливает значительные полномочия региональных элит в имплементации политики идентичности, что ведет к устойчивому преобладанию этнокультурного компонента над этническим и, как следствие, к невозможности конструирования прочной общегражданской идентичности

В ходе исследования удалось определить регулярные «маятниковые» колебания политики идентичности, направленные как на передачу регионам дополнительных инструментов формирования идентичности и предоставления необходимых полномочий, так и на ограничение соответствующих функций и концентрацию принятия основных решений в федеральном центре. Вместе с тем особенности институционального дизайна политики идентичности не позволяют обеспечить устойчивое развитие общегражданской идентичности в современной России.

Ключевые слова: общероссийская гражданская идентичность, этническая идентичность, эффект колеи, асимметричный федерализм, национальная идентичность.

Введение. Российская Федерация, являясь полиэтническим государством со сложной структурой административно-территориального деления, нуждается в высокоэффективной политике идентичности, которая бы позволяла консолидировать многосоставное российское общество в единую гражданскую нацию. Устойчивость общенациональной идентичности является одним из основных факторов стабильности современных политических систем. Актуальность формирования общероссийской гражданской идентичности подтверждается широким спектром документов стратегического планирования, в которых так или иначе находят свое отражение вопросы интеграции российского общества. Среди наиболее значимых возможно выделить Стратегию национальной безопасности, Стратегию государственной национальной политики, Основы государственной культурной политики, Основы государственной политики по сохранению и укреплению общероссийских духовно-нравственных ценностей, Основы государственной политики в области исторического просвещения.

Вместе с тем в современной научной дискуссии отмечаются проблемные аспекты реализации государственной политики в сфере укрепления гражданской идентичности, такие как недостаток содержательного наполнения данного концепта, основополагающих символов и нарративов [20. С. 128].

Отдельно стоит выделить недавние исследования, выявившие сравнительно низкие показатели общероссийской гражданской идентичности по сравнению с этнической в отдельных регионах Северо-Кавказского федерального округа [1. С. 77-78]. Также отмечается, что преобладание этнической идентичности характерно и для некоторых регионов Приволжского федерального округа [4. С. 342]. Подобная ситуация может указывать на глубинные проблемы формирования и реализации государственной политики идентичности, которые требуют изучения.

Следует подчеркнуть, что в работах российских авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области [5; 8; 9; 10; 14; 19; 21; 26; 27; 28; 29; 30; 31; 33].

Однако проблему формирования общероссийской гражданской идентичности в контексте влияния на этот процесс этнического фактора нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Целью настоящей работы является выявление «эффекта колеи» в реализации государственной политики идентичности в современной России, а также сопряженных с ним рисков устойчивости гражданской идентичности.

Наша гипотеза заключается в том, что между «гражданским» и «этническим» компонентами государственной политики идентичности существует устойчивый дисбаланс, обусловленный исторической спецификой институциональной структуры российского государства. Термин «политика идентичности»

определяется нами как область деятельности государственных институтов и структур гражданского общества, направленная на формирование коллективной идентичности. Учитывая специфику России как полиэтнического государства, наиболее значимой областью политики идентичности является политика по формированию коллективной идентичности в сфере межэтнических отношений.

В условиях сложившейся в России институциональной структуры федеральный центр делегирует регионам значительную автономию в имплементации политики идентичности, что ведет к символическому обособлению региональных сообществ и сравнительному повышению устойчивости региональных идентичностей, основным компонентом которых выступает этничность, по сравнению с общегражданской. Риски данной конфигурации политики идентичности заключаются в возможности быстрого упадка гражданской идентичности в случае ослабления федерального центра, что может повлечь за собой активизацию этнополитических акторов и появление угрозы этнополитических конфликтов.

В рамках проверки данной гипотезы мы используем теоретический инструментарий подхода исторического институционализма [37. С. 67], в частности, определим точку «институционального выбора» политики идентичности, а также моменты возможных изменений, которые не были реализованы в силу «эффекта колеи».

Кроме того, в целях изучения соотношения «гражданского» и «этнического» компонентов политики идентичности использована теория символических границ идентичности, разработанная Ф. Бартом [34. С. 21]. С помощью оптики данной теории возможно установить преобладание интеграционной (где границы идентичности совпадают с границами государства), или партикулярной (где границы проходят на субнациональном уровне) моделей политики идентичности в разные временные периоды.

Институциональный выбор политики идентичности: формирование «колеи». Момент институционального выбора в формировании политики идентичности возможно привязать к появлению текущей структуры административно-территориального деления Российского государства по итогам принятия Конституции РСФСР 10 июля 1918 г., провозгласившей учреждение Советской Российской Республики «на основе свободного союза свободных наций, как федерация советских национальных республик» [11]. Следовательно, РСФСР и СССР впоследствии можно охарактеризовать как асимметричную этническую федерацию, основными субъектами которой стали регионы, выделенные по этническому признаку – в зависимости от «титულიной» этнической группы.

Данное решение проистекало как из идеологических устремлений советского руководства – в частности, В. Ленина, постулировавшего необходимость сохранения за регионами право каждой нации на самоопределение вплоть до отделения [13. С. 168], так и инструментальных соображений в отношении получения поддержки лидеров этнополитических движений и обеспечения их

лояльности в ходе борьбы за власть и последующего осуществления политических преобразований.

Уже после стабилизации политического процесса и окончания гражданской войны, в 1920-х гг. начала последовательно реализовываться «политика коренизации» продлившаяся вплоть до середины 1930-х гг. и окончательно сформировавшая институциональную и символическую инфраструктуру политики идентичности. Политика коренизации, которую Ю. Слезкин охарактеризовал как «самое экстравагантное продвижение этнического разнообразия, которое когда-либо финансировалось каким-либо государством» [40. С. 414], заключалась в комплексной институционализации этничности и формировании укорененных в рамках административно-территориального деления этнополитических сообществ. Политические элиты этнически окрашенных регионов СССР получили значительные возможности по конструированию национальных идентичностей на базе существующих этнических общностей. Необходимо подчеркнуть взаимосвязь формирования институтов государственного управления и политики коренизации – как указывается, данные процессы были тождественными и носили прикладной характер [6. С. 251]. Тем самым, институциональные основы советской власти в этнически окрашенных регионах выстраивались, исходя из этнической идентичности кадров.

В рамках оптики исторического институционализма процесс институционального выбора – закрепления принципа асимметричного этнического федерализма в конституциях РСФСР и СССР (первая Конституция СССР, принятая в 1924 г., в частности, формально предоставляла союзным республикам право на сепессию, а также предоставляла широкую автономию в сфере политики идентичности), обусловил устойчивость данных «правил игры», которые в дальнейшем не подвергались серьезному пересмотру, особенно в сфере институциональных гарантий региональных полномочий политики идентичности. Само отсутствие такого пересмотра, несмотря на ряд попыток укрепить «общегражданскую» советскую идентичность, может свидетельствовать о сформировавшейся «зависимости от пути».

Политика коренизации при рассмотрении ее с точки зрения теории границ идентичности Ф. Барта вела к формированию фрагментированного по этническим границам сообщества. Тем самым этническая идентичность становилась основополагающим фактором в формировании коллективной идентичности группы, что проводило выраженную границу между разными этническими общностями Советского Союза [32. С. 27].

Практические следствия институционального выбора, выразившиеся в опасениях роста неподконтрольности региональных элит и проблемах взаимодействия представителей различных этнических общностей в рамках развития централизованной экономики и ускоренного оборонного строительства (в частности, низкий уровень владения русским языком), привели к постепенному свертыванию политики коренизации в течение 1930-х гг. [16. С. 99]. Укрепление федерального центра привело к частичному неформальному пересмотру

«правил игры», выразившегося в репрессиях против ряда этнических групп и региональных элит. В сфере политики идентичности советское руководство обратилось к укреплению «максимально доступного, популистского восприятия советской социальной идентичности» [35. С. 4]. Реализация данного направления достигла пика во второй половине 1940-х гг., однако основные институциональные механизмы, обеспечивающие региональным элитам широкий уровень автономии в рамках «своих» регионов, продолжили действовать. В частности, Конституция СССР 1936 г. сохранила положения о суверенитете республик, праве сецессии и фактической автономности в области политики идентичности.

Кризис советской идентичности: следствия зависимости от пути. После смерти И. Сталина практика неформального ограничения автономности региональных элит в сфере политики идентичности была постепенно свернута. Максимальная степень неформальной самостоятельности регионального руководства была, по некоторым оценкам, достигнута в ходе правления Л. Брежнева [15. С. 38-41]. Важным аспектом усиления регионов стало затруднение сменяемости региональных элит, которое обеспечило Л. Брежневу поддержку в ходе отстранения Н. Хрущева от власти [2. С. 74].

Примечательно, что политика формирования общегражданской советской идентичности, обозначенная введением термина «советский народ», была фактически неспособна ослабить фрагментацию советского общества по этническим границам. В частности, подчеркивался самостоятельный статус «социалистических наций» внутри «советского народа» [7. С. 52]. Тем самым сохранялась устойчивость символических границ этнических групп внутри «советской» гражданской идентичности. Также отмечается постепенное усиление феномена «бюрократического национализма», выражавшегося в латентной поддержке региональными элитами деятельности этнополитических активистов [18. С. 93].

К середине 1980-х гг. политические элиты советских республик представляли собой, по выражению Ф. Редера, «этнические машины» – устойчивые сети, состоящие из представителей «титულიной» этнической группы, которые были заинтересованы в сохранении институционализированной этнической идентичности в регионе, которая обеспечивала им поддержку населения и представляла ресурс для переговоров с федеральным руководством [39. С. 98].

Поддержка стабильности политической системы в подобных условиях обеспечивалась устойчивостью федерального центра и контролирующей ролью коммунистической партии. В условиях ослабления их легитимности началось развитие сепаратистских тенденций, коррелировавших с упадком советской идентичности. Примечательно, что преобладание этнической идентичности над советской отмечалось именно в этнически окрашенных регионах и среди представителей «титульных» этнических общностей, в то время как среди представителей русской этнической группы преобладала советская идентичность [3. С. 165]. Данный феномен представляется возможным напрямую связать с институционализацией этничности в советских республиках, а также результатом

деятельности этнополитических предпринимателей, в ряде случаев поддерживаемых региональными элитами.

Политика идентичности Российской Федерации в 1990-е гг: сохранение правил игры. Распад СССР на фоне масштабной этнополитической мобилизации обусловил необходимость учета данного фактора со стороны руководства Российской Федерации при выстраивании новой институциональной структуры, в том числе в рамках политики идентичности. Как отмечается, основными движущими силами и бенефициарами этнополитической мобилизации, как на территории СССР, так и на территории России были прежде всего политические элиты этнически окрашенных регионов [42. С. 217]. Обладая значительным символическим потенциалом за счет инструментального использования этничности, а также доступом к властным полномочиям, они представляли собой влиятельных игроков на политической арене [42. С. 242]. Данная ситуация во многом напоминала расстановку сил во время «институционального выбора» конца 1910-х – начала 1920-х гг., частично обусловленного необходимостью получения поддержки лидеров этнополитических движений.

Тем самым компромиссная институциональная модель политики идентичности, сложившаяся в Российской Федерации в 1990-е гг., характеризовалась практическим отсутствием «гражданского» компонента и преобладанием «этнического». Основными игроками в этой сфере выступали политические элиты республик, роль федерального центра была минимизирована.

Ряд республик имплементировал политику институционализации этничности, отраженную, в частности, в региональных конституциях, а также в законах, определяющих политику идентичности, в частности, в сфере образования и языковой политики. Например, в Республике Татарстан доминирование «этнического» компонента политики идентичности отразилось в стремлении создать всеобъемлющую систему татарского национального просвещения, в рамках которой в школьные программы были введены обязательные уроки татарского языка, литературы и истории Татарстана, а в школах созданы должности заведующих по национальному образованию [41. С. 42]. Были предприняты меры по увеличению роли татарского языка в политическом пространстве региона, в частности, принята Государственная программа по сохранению, развитию и изучению народов Республики Татарстан, положения которой были направлены на актуализацию и поддержку исключительно татарского языка. Как отмечает Д. Горенбург, «из 126 пунктов программы 67 были посвящены развитию татарского языка, только 33 пункта относятся к другим языкам, но ни один пункт не посвящен конкретно русскому языку» [36. С. 268].

Фактическое отсутствие «гражданского» компонента в российской политике идентичности в данный период отражено и в Концепции государственной национальной политики, утвержденной в 1996 г. Данный документ носил во многом декларативный характер, и хотя в нем отмечалась необходимость «упрочения общероссийской гражданской и духовно-нравственной общности» [12], содержательное наполнение данной общности отражалось лишь в соблюдении прав

и свобод человека и гражданина, что можно охарактеризовать как весьма неустойчивое ценностное основание гражданской идентичности, нуждающееся в дополнительном символическом подкреплении [38. С. 653]. Кроме того, основными акторами реализации политики идентичности, как следует из положений документа, мыслились именно регионы, которые в тот период явно приоритизировали ее «этнический» компонент.

Политика идентичности в современной России: продолжающаяся зависимость от пути. Смена федерального руководства России в 2000 г. ознаменовалась некоторыми изменениями институциональной структуры политики идентичности. Новации в данной сфере носили в большей степени корректирующий характер и были направлены на формальное ограничение политической самостоятельности региональных элит, отношения которых с федеральным центром носили в ряде случаев де-факто конфедеративный характер [24. С. 194]. В частности, был запущен процесс приведения регионального законодательства в соответствии с федеральным. Прежде всего это коснулось проблемы суверенного статуса республик, а также законодательства, регламентирующего вопросы образования. Взаимосвязь имплементации политики идентичности и притязаний республик на суверенный статус, равно как и стремление федерального центра пресечь развитие данных тенденций демонстрируется в определении Конституционного Суда Российской Федерации, где указывается на невозможность декларирования суверенитета, исходя из институционально закрепленного статуса республик как этнически окрашенных регионов [17]. Вместе с тем данный комплекс мер был во многом направлен прежде всего на купирование наиболее негативных проявлений сложившейся конфигурации политики идентичности, и носил реактивный характер. В этой связи возможно привести параллели с политикой ограничения политического использования этничности в СССР в период середины 1930-х – конца 1940-х гг.

Актуализация «гражданского» компонента политики идентичности в институциональной сфере была осуществлена в течение 2010-х гг. и характеризовалась прежде всего утверждением Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации в 2012 г. и ее обновлением в 2018 г., а также созданием в 2015 г. федерального органа исполнительной власти в сфере межэтнических отношений – Федерального агентства по делам национальностей.

В частности, в Стратегии государственной национальной политики был введен термин «общероссийская гражданская идентичность», охарактеризованный как «осознание гражданами принадлежности к государству, народу и обществу ... приверженность базовым ценностям российского общества» [25]. Вместе с тем анализ основного инструмента имплементации государственной национальной политики – государственной программы Российской Федерации «Реализация государственной национальной политики», позволяет говорить о недостаточной содержательной проработке ее «гражданского» компонента, а также о значительной свободе действий акторов, ее реализующих, прежде всего региональных.

Так, основным механизмом реализации «гражданского» компонента программы со стороны федерального центра является предоставление субсидий регионам для проведения мероприятий, направленных на укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России. При этом основным критерием оценки качества их проведения является количество участников данных мероприятий, а также доля населения субъекта, положительно оценивающая состояние межэтнических отношений, что не может исчерпывающе отразить устойчивость гражданской идентичности в регионе [22].

Таким образом, реализация политики идентичности в современной России во многом зависит от политических элит регионов, оперативный контроль деятельности которых со стороны федерального центра при текущей институциональной структуре представляется затруднительным. Это также подчеркивается отдельными изменениями в сфере государственной образовательной политики, представляющей собой отрасль политики идентичности. Так, в соответствии с приказом Минпросвещения России от 12 августа 2022 г. были внесены изменения в Федеральный государственный образовательный стандарт среднего общего образования, который определяет, в частности, определяет обязательную структуру учебных планов школ в стране. Данные изменения коснулись в том числе и списка обязательных к изучению учебных предметов, в число которых был включен «родной язык и (или) государственный язык республики Российской Федерации» [23]. При этом, если касаясь родного языка в тексте документе предусмотрена оговорка, что его изучение осуществляется только по заявлениям родителей, а также при наличии у школы возможностей организовать обучение такому языку, то относительно государственных языков республик подобных положений нет.

Исходя из рассмотрения текущей институциональной структуры политики идентичности в современной России, можно сделать вывод о сохраняющемся «эффекте колеи», сложившегося еще в раннесоветский период. Фактически, в настоящий момент сохраняется значительная степень автономности региональных элит в имплементации основного компонента политики идентичности – политики в сфере межэтнических отношений, а также недостаточная конкретизация мер по укреплению «гражданского» компонента политики идентичности, что ведет к неполноте его содержательного наполнения и, в ряде случаев – замене мероприятиями этнокультурной направленности. В этом отношении коллективная идентичность российского общества может быть латентно фрагментирована по символическим границам этнических общностей, отражая ситуацию, аналогичную сложившейся в позднесоветские годы. Это обуславливает существенные риски ее устойчивости в случае ослабления консолидирующей функции федерального центра.

Заключение. В данной статье были рассмотрены особенности политики идентичности в современной России. С помощью применения подхода исторического институционализма были выявлены основные этапы становления политики идентичности, а также прослежено их развитие. По итогам

проведенного анализа представляется возможным сделать вывод о том, что текущая версия политики идентичности Российской Федерации существенно зависит от логики институциональной структуры, сформировавшейся в советское время. Особенность данной институциональной конфигурации заключается в делегировании федеральным центром регионам значительных полномочий по имплементации политики идентичности, приводящей к формированию региональных сообществ, идентичность которых фрагментирована по символическим границам этнических общностей. Значительный властный ресурс, накопленный региональными элитами, позволяет использовать этническую идентичность в качестве инструмента получения легитимности и «торга» с федеральным центром, что затрудняет укрепление гражданской идентичности в современной России.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Авксентьев В.А., Аксюмов Б.В., Гриценко Г.Д., Иванова С.Ю., Шульга М.М. Формирование российской идентичности на Северном Кавказе: институциональные и социокультурные рамки // Политическая экспертиза. ПОЛИТЭКС. 2022. Т. 18. № 1.
2. Артизов А.Н., Сигачев Ю.В. В октябре шестьдесят четвертого: смещение Хрущева. Источниковедческие и историографические заметки. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2020.
3. Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М., Сусоколов А.А. Этносоциология. М.: Аспект Пресс, 1999.
4. Аршин К.В. Русские как «государствообразующий народ» или «государствообразующий народ» как русские (ответ на статью В.А. Ачкасова «Зачем русским статус «государствообразующего народа?»») // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2023. Т. 19. № 2.
5. Бикейкин М.Е. Конфликт примордиализма и конструктивизма в российской этнологии: 1990-2023 гг. // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2024. № 1.
6. Бобровников В.О., Колесникова М.Е., Кузьминов П.А., Клычников Ю.Ю., Аверьянов А.В. Преобразователи Кавказа: институты, личности, образы // Новое прошлое. 2023. № 1.
7. Булыгина Т.А., Амбарцумян К.Р. К вопросу об истории формирования концепции «новая историческая общность – советский народ» и ее реализация в 1970-1980-е годы // История: факты и символы. 2022. № 3.
8. Гаджиев М.М. Дагестанская модель постсоветской этно-мусульманской стабилизации: опровержение расхожих стереотипов и облегченных трактовок // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. № 9.
9. Дмитриев И.В., Минеева Е.К. Национальная элита советской России в 1917-1920-е годы: вопросы историографии // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2024. № 6.

10. **Ишемгулов М.Н.** Территория как фактор этнической консолидации (на примере башкирского этноса) // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. № 12.
11. Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. Принята V Всероссийским съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 года // <https://www.hist.msu.ru/ER/Text/cnst1918.htm>.
12. Концепция государственной национальной политики Российской Федерации от 15.06.1996 // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_98489/7ea79eb60f32a701f94dfbb0f0a0fd88bffe30f4/.
13. **Конюхова И.А.** Право народов на самоопределение как принцип федерализма // Политическая наука. 2003. № 3.
14. **Медведев Н.П.** Этнополитическая регионалистика: история и современность (по материалам публикаций в научных журналах 2022 года. Часть 1) // Вопросы политологии. 2023. № 1.
15. **Мохов В.П.** Эволюция региональной политической элиты России (1950-1990 гг.). Пермь: Издательство Пермского технического университета, 1998.
16. **Мусаев В.И.** Поворот в советской национальной политике в середине – второй половине 1930-х гг. // Народы и религии Евразии. 2018. № 2 (15).
17. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 27.06.2000 № 92-О // <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=27806#PvwLCaTjRhWjisI>.
18. **Паин Э.А.** Национализм под покровом стабильности: изучение латентных факторов дезинтеграции СССР (уроки брежневской эпохи) // Мир России. Т. 32. № 1. 2023.
19. **Панков А.В.** Цивилизационная стратегия России как государства-локальной цивилизации в публичном дискурсе Президента РФ: цивилизационно-элитологический подход // Вопросы политологии. 2024. № 7.
20. **Полунов А.Ю.** Общероссийская гражданская идентичность: концептуальные основы и региональное воплощение // Государственное управление. Электронный вестник. 2023. № 96.
21. **Полунов А.Ю., Буданов М.А.** Государственная национальная политика и региональные органы власти: проблемы унификации // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2024. № 1.
22. Постановление Правительства РФ от 29.12.2016 № 1532 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Реализация государственной национальной политики» (ред. от 28.02.2024) // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_210753/.
23. Приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 12.08.2022 № 732, подпункт 18.3.1 пункта 18 // <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202209120008?index=81&rangeSize=1>.
24. **Равьо Ж.-Р.** Феномен Татарстана и федеративное строительство в России // Вестник Евразии. 1998. № 1-2.

25. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, подпункт «г» пункта 4 // <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102161949>.
26. **Титов В.В.** Проблема формирования общероссийской гражданской идентичности российской молодежи в условиях новых политических вызовов 2020-х гг. // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2024. № 5.
27. **Титов В.В.** Эволюция государственной политики идентичности в России в 1990-х – начале 2020-х гг. // Вопросы политологии. 2024. № 4.
28. **Федоров Д.В.** К вопросу об идентичности в современной России // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2024. № 5.
29. **Халиулина А.И., Сафин Ф.Ф., Шилкин Д.А.** Патриотизм как фактор формирования российской идентичности (по данным этносоциологических опросов в Башкортостане) // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. № 12.
30. **Хугаев З.Т.** Политическая идентичность молодежи Северо-Кавказского федерального округа: анализ исследовательских подходов // Вопросы политологии. 2024. № 6.
31. **Шакурова Н.Е.** Национализм как одна из проблем управления национальными отношениями в современной России // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2024. № 5.
32. **Шнайдер В.Г.** Советская национальная политика и народы Северного Кавказа в 1940-1950-е гг. Берлин: Директ-Медиа, 2015.
33. **Эндрюшко А.А.** Этносоциальная дистанция и этнические стереотипы: методология изучения и динамика изменения на фоне СВО // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. № 12.
34. **Barth F. ed.** *Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Cultural Difference*. Prospect Heights, IL: Waveland Press, 1998.
35. **Brandenberger D.** *National Bolshevism: Stalinist Mass Culture and the Formation of Modern Russian National Identity 1931-1956*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2002.
36. **Gorenburg D.** Tatar language policies in comparative perspective: Why some revivals fail and some succeed // *Ab Imperio*. 2005. No. 1.
37. **Greener I.** The potential of path dependence in political studies // *Politics*. 2005. Vol. 25. No. 1.
38. **Hutchinson J.** Ethnicity and modern nations // *Ethnic and Racial Studies*. 2000. No. 23.
39. **Roeder P.G.** Liberalization and ethnic entrepreneurs in the Soviet successor states, in Crawford B. and Lipschutz R. D. eds. *The Myth of «Ethnic Conflict»: Politics, Economics, and «Cultural» Violence*. Berkeley: University of California Press, 1998.
40. **Slezkine Y.** The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism // *Slavic Review*. 1994. No. 53.

41. **Suleymanova D.** Pedagogies of culture: schooling and identity in Post-Soviet Tatarstan, Russia. Palgrave Macmillan, 2020.
42. **Tishkov V.A.** Ethnicity, Nationalism and Conflict in and after the Soviet Union: The Mind Aflame. London: Sage, 1997.

N.E. DENISOV

Postgraduate student, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

THE DYNAMICS OF ALL-CIVIC IDENTITY DEVELOPMENT IN CONTEMPORARY RUSSIA

This paper scrutinizes major peculiarities of identity policy in the Russian Federation. This research departs from the issue of incomplete substantive elaboration of civic identity component, as for policy practice and current research literature. The author applied the historical institutional approach to this issue and noticed a «path dependence» pattern, which can be seen in the existence of sustainable institutional structure in the area of identity policy, which is resistant to any major change.

The author describes identity policy as the area of government institutions activity, which constructs collective identity. The application of Frederick Barthes theory of «identity boundaries» opened the way for better understanding of the institutional structure, which fragments identities of the Russian society across ethnic boundaries. This structure was created by institutional choice which was made at the time of the foundation of the USSR and presumed a model of asymmetrical federal relations on the ethnic base.

The author emphasizes that the asymmetry of federal relations grants a variety of powers, which can be exerted by regional elites in the sphere of identity policy. Therefore, it leads to relative salience of ethnocultural component of identity, which surpasses the civic component. As a result, there is no opportunity for sustainable all-civic identity to emerge.

During the research the author noticed that there are regular pendulous fluctuations in the Russian identity policy. On the one hand, regional elite are granted with excessive tools and powers for identity construction. On the other hand, federal government then tries to reduce regional opportunities in that area. Along this this, the peculiarities of institutional design do not allow for sustainable development of the all-civic identity in contemporary Russia.

Key words: all-Russian civic identity, national identity, ethnic identity, path dependence, asymmetrical federalism.